

18+

ТАМ ГДЕ
НАДЛОМЛЕННЫЕ
СЕМЕНА
РАСТУТ

ЛИДИЯ ВЭЙЛ

Ли́дия Вэ́йл

**Там, где надломленные семена
растут. Семейная драма**

«Издательские решения»

Вэйл Л.

Там, где надломленные семена растут. Семейная драма /
Л. Вэйл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673773-0

Дэниел Мерсер всегда был той петлей которая удерживала его разрушенную семью вместе, — его мать утопала в долгах, его брат искал спасения в Вере. Дэниелу приходится выбирать между верностью прошлому и зыбкому будущему, которое он едва ли мог себе представить. Для поклонников Ханьи Янагихары, Оушена Вуонга и Дугласа Стюарта. Этот роман с искупительной силой исследует цену надежды, наследственность психических заболеваний и выбор который определяет нас, когда все начинает запутываться.

ISBN 978-5-00-673773-0

© Вэйл Л.

© Издательские решения

Содержание

Пролог: между мирами	6
Шум, который мы предпочитаем не слышать	8
Тяжесть выбора	13
Тень на полу	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Там, где надломленные семена растут

Семейная драма

Лидия Вэйл

© Лидия Вэйл, 2025

ISBN 978-5-0067-3773-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог: между мирами

*У каждого конца есть свое начало.
Как семена, спрятанные в зимней земле.
Темные, спящие, ждущие света,
который их оживит.*

Гребок. Вдох. Гребок. Вдох.

Дэниел плыл по мутному озеру, рассекая толпу пловцов в неопреновых костюмах. Три четверти плавательного этапа IRONMAN Виктория, и его ритм оставался неизменным – каждый гребок был мастерски отточен. Он слышал только биение сердца, ощущал жжение в плечах, чувствовал слабый запах вазелина и озерной тины.

Гребок. Вдох. Гребок —

Боль. Раскаленная добела как сталь, вспыхнула в центре груди, сверхновой звездой пронеслась по левой руке, и потухла в онемевших кончиках пальцев.

Дэниел задыхался, заглатывая полный рот водорослей и загрязненной дизельным топливом воды. Правая рука замерла на середине гребка, мышцы заостенели как ржавые петли.

Не сейчас. Не здесь. Просто продолжай двигаться.

Тело начало тонуть. Небо над головой погрузилось в крошечную тьму. Все звуки исчезли. Пузыри унесли его последний вздох. Холод бездны принял его в свои объятия.

Затем наступила тишина. Совершенная, кристальная тишина, окутавшая его как одеяло.

Время остановилось, и в этой неподвижности он увидел своего брата. Солнечный свет играл в его кудрявых волосах, когда они бегали кругами по бабушкиному саду. Детский смех. Запах свежеспаханной земли. Что-то такое простое, что причиняло боль.

Воспоминание исчезло, рассыпавшись на быстро проносящиеся образы:

Его мать в выцветшем розовом халате, сидящая за кухонным столом. Ее пальцы дрожали, когда она решала, какие из счетов могут подождать еще неделю.

Финансовые графики, словно ядовитые водопады, обрушивались с экрана его ноутбука – зеленые пики и красные свечи, цифры, которые когда-то символизировали спасение, теперь стали бессмысленными иероглифами.

«Ты хотел быть ландшафтным дизайнером, – прошептал Сэм откуда-то издалека.

Спальня – частички пыли, плавающие в свете, проникающем через треснувшее окно. Разорванный поэтический дневник, страницы которого скручивались, как осенние листья. Хрупкие зеленые ростки, робко тянущиеся к свету на подоконнике.

Звук затвора.

Образы ускорялись затем резко замедлялись, сливаясь в одно яркое воспоминание:

Дэниелю было двенадцать, Сэму – десять. Они копались на грядке рядом с бабушкой в темной, богатой земле. Ее скрюченные артритом руки демонстрировали честную, суровую работу.

«Осторожно, – наставляла их бабушка. «Жизнь в начале хрупка».

«Вот так?» спрашивал Сэм, его ногти уже почернели от грязи.

«Идеально», – сказала бабушка. «Им нужно место, чтобы расти».

Пальцы Дэниела копировали их движения. Почва была прохладной и влажной, живой и многообещающей. Он вдавливал семечки в каждое углубление и осторожно прикрывал их.

«Корни растут вниз, прежде чем что-то вырастет вверх», – сказал Сэм, повторяя бабушкину мудрость.

«Правильно, Сэмюэль. Отличная работа!»

Дэниел улыбнулся широкой улыбкой. Он был свободен. Он был счастлив.

Сад начал темнеть. Трава под его коленями затвердела, превратившись в синтетический газон. Цветы завяли, их заменили цифровые графики – слишком идеальные, безжизненные. Почва под его ногами растворилась.

Он вдыхал аромат свежескошенной травы, пытался удержать момент, но он ускользал. Его последнее воспоминание о том, как он был маленьким. Чувствовал себя в безопасности. Целым и невредимым.

Из центра начал распространяться свет, смывая цвета, формы, само воспоминание.

И потом темнота.

И потом свет.

И потом – начало.

Шум, который мы предпочитаем не слышать

*Дом дышит одолженным временем.
Каждая комната – это камера сердца,
которое забыло, как биться в ритм
с чем-либо, кроме выживания.*

Цифровые часы мигали: «5:17 утра» когда Дэниел выскользнул из постели, ощущая привычную тяжесть усталости в конечностях. Холодные доски пола впивались в его подошвы как зубы. В его спальне стояла лишь односпальная кровать, письменный стол и узкое окно, обрамлявшее предрассветную тьму Астории, штат Орегон. Снаружи мост растворялся в утреннем тумане. Он мог видеть этот путь, тянущийся на противоположный берег, но, никогда не пользовался им. Внутри дома, сквозь стены, был слышан постоянный гул автострады – настойчивый, сводящий с ума звук, который, казалось, никто больше не замечал.

Дэниел любил утреннее время – когда в доме еще не воцарился хаос. Когда он мог дышать спокойно. На крыльце медленно мигал фонарь. Мягкий пульс реки Колумбия напоминал о своем присутствии. Где-то в этой тишине он чувствовал край чего-то недостижимого – мира, который он мог слышать, но никогда не мог ухватить.

Он продвигался через тусклую кухню с эффективностью давней привычки. Овсянка с яблоками – дешево, но сердито. Запах подгорелой каши расплылся в маслянистой дымке попкорна из микроволновки. Воспоминание вспыхнуло мигом – смех брата, хруст сырных чипсов Cheetos, щелканье контроллеров видео приставки.

Настоящий момент напомнил о себе, когда раздался слишком громкий стук ложки. Он остановился, прислушиваясь. Капал кран. Брат храпел. Лаяла соседская собака. Он взглянул на письма, спрятанные за банкой с мукой – три красных конверта с надписью «ПОСЛЕДНЕЕ ИЗВЕЩЕНИЕ», которые его мама проигнорировала как всегда. Один конверт на прошлой неделе чуть не улетел в мусорную корзину – письмо из университета. Она утверждала, что подумала, будто это мошенничество. «Сейчас они обманывают людей, выдавая им фальшивые стипендии», – сказала она с широко раскрытыми глазами. Дэниел не стал перечить. Он никогда не давил.

Международный женский день. Вчера он увидел его на календаре в библиотеке. Он осмотрел гостиную с ее скоплением грязной посуды, разбросанными газетами и остатками позднего «ночного переедания» хлопьев его брата. Чистый дом – вот что он мог ей подарить. Что-то легкое, что могло бы развеять вечное облако недовольства, нависавшее над ней изо дня в день.

Пока Дэниел протирает столы и собирал мусор, гул автострады, казалось, усиливался, в то время как за окном светало. Забавно, как можно жить поодаль с таким звуком так долго, что перестаешь его замечать, до тех пор, пока он вдруг не начинает вибрировать в твоих костях. Как ругань и вспышки гнева, которые сотрясали эти стены. Как эпизоды его брата. Как мамин плач, который тихо раздавался за дверью.

Убирая дом, он заметил, старый поэтический дневник – обложка потрепана, страницы обветшались. Единственный дневник его брата, заполненный стихами, которые никому не разрешалось читать. На мгновение он почувствовал запах сырного аромата чипсов и увидел старые кнопки контроллеров Dendy.

Он расставлял последнюю чистую посуду, когда услышал, как закрылась дверь ванной. В коридоре слышались шаркающие шаги его матери.

«Дэнни?» Ее голос, все еще сонный, выражал удивление. «Что ты делаешь в такую рань?»

Долорес Мерсер стояла в дверях в своем выцветшем розовом халате, волосы нечесанные, глаза опухшие. В свои пятьдесят три года она выглядела на десять лет старше – жизнь отпечаталась на угрюмых уголках ее рта и оставила глубокие борозды разочарования на лбу.

«С международным женским днем, мама». Дэниел жестом указал на убранную кухню, чувствуя себя при этом глупо.

«Я подумал, что могу как-то... ну, в общем вот».

Что-то мелькнуло на ее лице – призрак улыбки, которая была когда-то, когда Дэниел был маленьким. Когда еще не было вечной борьбы со счетами, лекарствами и изматывающей заботы о завтрашнем дне.

Она подошла к кофеварке, дрожащими руками наливая себе кофе.

«Ты мог этого не делать, ты же знаешь!»

Дэниел молчал, внимательно изучая признаки хорошего или плохого дня.

«Как ты спала?»

Она пожала плечами, повернувшись к нему спиной. «Как обычно. Это шоссе становится все громче изо дня в день, ей Богу». Она повернулась, зажав кружку с кофе в обеих руках.

«Ты не забыл о рецепте на лекарство для Сэма?».

Вот оно – мгновенное переключение на беспокойство, на следующую проблему, требующую решения. Дэниел кивнул, сглатывая разочарование.

«Я уже позвонил. Вы можете забрать его сегодня днем».

«Эта женщина из консультативной клиники». Долорес неопределенно махнула рукой, а затем принялась с ненужной энергией протирать стол. «Они работают над его настроением. Навыками овладения собой. Или как они там это называют. Они больше не говорят „психическое расстройство“ – теперь это „регуляция поведения“».

В ее голосе прозвучал сарказм, она не поднимала глаз от пола.

Дэниел замешкался. «Она врач?»

«Не знаю. Может быть. У нее есть кушетка и мягкий голос. Для некоторых людей этого достаточно».

Она отпила кофе, бросив взгляд на окно где утренний туман отступал, открывая сероголубой блеск гавани между домами. Дэниел знал, что она не любовалась видом – она подсчитывала расходы, считала дни до следующего поступления средств из социального обеспечения, прикидывала бесконечные логистические схемы выживания.

«Надеюсь, когда-нибудь ты найдешь его». Дэниел сделал паузу.

«Кого найдешь?»

«Того, кто сделает тебя счастливой. Партнера. Любовь».

Она звонко рассмеялась – резко, без юмора. «В моем-то возрасте? С *таким-то* багажом?» Она неопределенно махнула рукой в сторону двери Сэма. «Я больше в это не верю, Дэнни».

Прежде чем Дэниел успел ответить, из ванной раздался грохот, и они оба поспешили на резкий звук падения чего-то твердого. Дверца шкафа была оторвана, туалетные принадлежности были разбросаны по кафельному полу. Сэм застыл среди этого хаоса, с зубной щеткой в руке, выражение его лица выражало смесь растерянности и невинности.

«Она не открывалась», – пробормотал он, как будто это все объясняло.

В свои двадцать два года Сэм был физически крепким – высоким и широкоплечим, но, в его глазах читалась искренняя неуверенность ребенка. Его немытые волосы торчали под разными углами, футболка была вывернута наизнанку.

«Господи, Сэм!» Их мать поставила свой кофе на стол с такой силой, что жидкость полилась по ободку. «Это уже третья вещь, которую ты сломал за эту неделю!»

Лицо Сэма потемнело. «Она уже была сломана. Я просто завершил начатое».

«Ты *хоть* представляешь, сколько стоит замена этих вещей?»

Дэниел встал между ними в привычную позицию. «Я все почию, мам. Петля просто разболталась. Я смогу подобрать несколько шурупов...»

«Дело не в этом! Ему нужно понять...»

«Ты опоздаешь к тете Мардж, если не начнешь собираться», – перебил Дэниел, отчаянно пытаясь разрядить обстановку. «Ты помнишь? Ужин в честь праздника?»

Гнев матери, казалось, немного поутих, сменившись новой тревогой.

«О Боже, это сегодня? Сколько сейчас времени?»

«Почти семь. Времени еще достаточно».

Она кивнула, потирая лоб. «Точно. Хорошо. Сэм, пожалуйста, просто... просто убери этот беспорядок и оденься. Что-нибудь приличное, только не эти твои рваные джинсы».

Когда Долорес удалилась в свою спальню, Дэниел наклонился чтобы помочь Сэму собрать упавшие вещи.

«Не надо меня защищать», – пробормотал Сэм, поднимая с пола бутылочку с антацидами. «Я не ребенок».

«Я знаю это».

«Нет, не знаешь. Никто из вас не знает». Пальцы Сэма сомкнулись вокруг небольшого металлического предмета – сломанного штыря петли шкафа. Он изучал его с необыкновенной сосредоточенностью. «Знаешь, что забавного в петлях, Дэнни? Они – самое слабое место любой двери, но без них дверь бесполезна. Просто кусок дерева».

Дэниел сделал паузу, пораженный этим наблюдением.

«Люди точно такие же». Сэм осторожно положил петлю на край раковины. «Мы ломаемся в местах соединения. Но это также единственные места, где мы можем раскрыться». Он посмотрел прямо на Дэниела. Поразительная ясность в его взгляде отражала печаль, слишком глубокую для его возраста.

Дэниел расставлял тюбики зубной пасты, слабо улыбнувшись в ответ.

К полудню дом наполнился ураганом активности. Нервозность его матери перешла в легкое помешательство, когда она искала свои лучшие серьги, потом телефон, потом десерт, который обещала принести. Зазвонил телефон – нетерпеливый, пронзительный голос тети Мардж требовал объяснений и Долорес, задыхаясь от извинений, пыталась успокоить тетушку.

«Дэнни, ты можешь проверить, хватит ли у нас денег на автобус?» спросила Долорес, входя на кухню с переполненной папкой – документы сыпались из всех карманов. Она разложила их на столе – счета, помеченные красными печатями, лотерейные билеты, купоны, срок действия которых истек несколько месяцев назад. «Кажется, я положила сюда двадцатку».

Дэниел наблюдал, как она перебирает бумаги беспокойно дрожащими пальцами. Она никогда не доверяла дебетовым картам, и технологиям в общем, настаивая на оплате наличными. Вся ее финансовая жизнь была собрана в этой хаотично скрепленной папке.

«Этот просроченный», – тихо сказал Дэниел, взяв в руки счет за электричество двухмесячной давности.

«Ты его оплатила?»

«Конечно оплатила», – огрызнулась она. «Иногда они просто присылают их дважды. Пытаются обмануть людей, чтобы они платили повторно».

Дэниел сдержал вздох. Она искренне верила в эти заговоры, так же как верила, что ее лотерейные билеты когда-нибудь спасут их из петли этого дома.

Четвертый звонок от тети Мардж остался без ответа. Долорес пошла в ванную. Когда телефон зазвонил в пятый раз, Сэм поднял трубку.

«Мы можем взять с собой нашу еду», – объявил Сэм, когда она сделала паузу, чтобы перевести дух. «Мы вчера купили много продуктов».

Дэниел поморщился, уже понимая, к чему это приведет.

«Нет, Вам не нужно ничего готовить. У нас уже есть еда», – упрямо продолжал Сэм.
«И кстати говоря, Вы можете забрать свой диск...»

Дверь в ванную распахнулась и из облака пара и дешевых духов появилась их мать. Она выхватила телефон у Сэма.

«У нас все в порядке, Мардж!» – рывкнула она, закрывая трубку рукой.

«Что ты ей сказал?» – зашипела она на Сэма.

Сэм пожал плечами. «Только то, что она может забрать свой диск и...»

Дом затаил дыхание. Дэниел наблюдал за тем, как дрожат губы матери, как стекленеют ее глаза.

«Это был подарок!» Ее голос рикошетом отразился от линолеума.

«Подарок! Ты не отдаешь подарки обратно!»

«Но если она сделала его для тебя, чтобы ты наслаждалась, а тебе не нравится...»

«Мама, твое давление!» предупредил Дэниел, глядя на ее покрасневшее лицо.

«Дэниел, не надо!»

Сэм продолжал настаивать, не обращая внимания на признаки опасности.

«Но ты всегда говоришь, что мы должны экономить деньги и...»

«Жопа ты! Вот кто ты. Жопа ты с ручкой!» закричала Долорес, ее самообладанию пришел конец.

Она с размаху ударила рукой по столу, отправив вазу с увядшими розами на пол. Осколки стекла с блеском разлетелись в разные стороны – прекрасное дополнение к тому, что Долорес называла своим «садом разбитых вещей». Все началось после разрыва с отцом. Вместо того чтобы ухаживать за территорией, она начала собирать поломанные вещи – разбитые чашки с распродаж, треснувшие горшки, оставленные на обочинах. Долорес склеивала их, небрежно смазывая эпоксидной смолой, а затем втыкала в землю, как будто им там самое место: ветряные колокольчики, сделанные из разбитых тарелок и рыболовной лески, ванна для птиц, треснувшая посередине. Когда-то любимый сад их бабушки превратился в уродливую могилу печали и скорби.

Сэм уставился на разбитую вазу. Его лицо скукожилось под влиянием эмоций, которые он не мог переварить.

«Я просто медлительный», – сказал он, неожиданно тихим голосом. «Время всегда уходит быстро. Это не моя вина».

Их мать отвернулась и заговорила в трубку искусственным голосом. «Мы будем там через двадцать минут, обещаю».

Дэниел стоял среди обломков которые напомнили о том, что видел этот дом. Пятна от воды, оставшиеся после не устранённой прошлой зимой протечки. Никаких сбережений, чтобы залатать дыры. Несочетаемую мебель с развалов и дворовых распродаж. Стену с карандашными отметинами о росте до семи лет, когда измерения прекратились после ухода отца. Даже почтовая служба иногда проезжала мимо их улицы, забыв оставить почту.

«Давай я помогу тебе надеть пальто, Сэм», – наконец сказал Дэниел, пробираясь к прихожей. «И тебе, мам. Я все уберу, когда вы вернетесь».

Его мать кивнула, внезапно выглядя измученной. «Спасибо, Дэниел. Я не знаю, что бы мы без тебя делали».

В этих словах должно было чувствоваться что-то хорошее – одобрение, признательность. Но вместо этого они осели как камни в его животе. Под ними скрывалась невысказанная истина: «Ты всегда будешь здесь с нами. Всегда будешь следить за порядком. Ты единственный на кого я могу рассчитывать.»

Пока они одевались, Дэниел заметил на приставном столике нераспечатанную утреннюю почту. На верхнем конверте был изображен герб университета, который он сразу же узнал.

Сэм проследил за взглядом Дэниела и задержался на нем на секунду. На мгновение – всего лишь на мгновение – его глаза просветлели, как будто он понял, что это могло бы значить. Сэм застыл, как будто хотел что-то сказать.

«Мам, я не могу найти второй ботинок», – пробормотал он.

Когда они наконец уехали, шум шоссе явил свое лицо в полной красе. Постоянное напоминание, что мир проносится мимо них. Через окно, мост Астория-Меглер полностью проявил себя, чистыми линиями пересекая могучую Колумбию. Дэниел мог видеть только его начало, но не его конец. Но и этого было достаточно, чтобы напомнить ему, что мосты существуют, что выход есть, что где-то за пределами постоянного шума и хаоса может быть тишина – и в этой тишине – покой.

Дэниел стоял в гостиной. Тяжесть ветхого дома, хрупкое здоровье матери, непредсказуемый ум брата – давили на него, как руки на горло.

Он подошел к столу и взял в руки конверт на котором было выведено его имя.

Это было не просто письмо – это была дверь.

А он был петлей.

Дэниел провел большим пальцем по запечатанному конверту.

Если он откроет его, что-то обязательно сломается, как тот ящик.

Он не знал, что это будет – семья или он сам.

Тяжесть выбора

*Надежда – самое жестокое наследство.
Она делает из отчаявшихся – узников.
Учит их считать прутья,
как будто это перекладины на лестнице.*

Дэниел стоял босиком на холодном кафельном полу, одной рукой держась за столешницу. Нож ритмично двигался по разделочной доске, каждый новый ломтик лука щипал глаза. За окном наступил вечер пока он готовил ужин – очередную порцию для семьи, которая только потребляет, но редко насыщается.

Три дня. Всего три дня до крайнего срока оплаты за обучение. Эта мысль пульсировала в его сознании с каждым ударом ножа – метроном тревоги, который нарастал с каждым часом. Три дня до того, как исчезнет путь к спасению. Три дня до того, как захлопнется дверь в другую жизнь.

От закипающей воды для спагетти поднимался пар на запотевающее окно. Дэниел протер его рукавом и мельком взглянул на свое отражение – впалые щеки, глаза, несущие бремя несбывшихся мечтаний.

Университет. Его имя в списке. Разум в движении, а не в плену.

Он видел все как наяву: грифельные доски, командные проекты, солнечный свет, просачивающийся сквозь высокие окна библиотеки, людей, которые не знали его истории, не шептались за его спиной и не смотрели на него с усталой жалостью.

На секунду все стало настолько реальным, что у него физически защемило в груди.

«Еще один, – прошептал он, высыпая порезанный лук в сотейник для соуса. «Один маленький шанс доказать, что я чего-то стою».

Из гостиной голос матери прорезал стены, острый, как лезвие бритвы. «Конечно, это он! Это он это сделал! Ты не ждешь от мужчин признаний, дорогая моя. Ты наблюдаешь за ними. Они всегда покажут тебе сами, что они из себя представляют».

Нож Дэниела остановился на середине доски. Яд в ее тоне – он не был направлен на героя детективного сериала. Она снова говорила о его отце, о призраке, который преследовал их жизнь, как будто из прошлой жизни. Он сжал челюсти, продолжая резать, на этот раз помидоры, лезвие ударяло по доске с точностью стаккато.

Семья вернулась раньше, чем ожидалось: Долорес жаловалась на холодное мясо, Сэм шептал Священное Писание – не в молитве, а словно расшифровывал что-то, что мог услышать только он. Низкий, постоянный гул автострады проникал сквозь стены, как звон в ушах – фантом, волочащий цепи за гипсокартоном. В доме возобновился привычный ритм. Дэниел вернулся к своей постоянной роли – повара, уборщика, наблюдателя.

Он бросил взгляд в сторону гостиной, где работал телевизор его матери – очередная криминальная драма, громкость, как всегда, выше необходимого. Даже когда он был один на кухне, вокруг всегда был шум: библейское бормотание Сэма наверху, Долорес, напевающая какую-то древнюю рекламную мелодию, передвигаясь по гостиной. Слои звуков боролись за господство, не позволяя тишине существовать.

Положив спагетти в кипящую воду, Дэниел позволил себе десять минут отдыха. Он достал из кармана телефон и надел наушники, пытаясь создать хрупкий пузырь уединения.

Видео на YouTube начиналось с триумфального пересечения финишной черты – триатлет IRONMAN, руки подняты в знаке победы, лицо сияющее от радости.

«Я был никем», – говорил мужчина после соревнования. «Работал на захудалой работе, утопал в долгах, но в один день решил все изменить. Выносливость – это не только физическая

сила. Выносливость заключается в том, чтобы контролировать свое тело, когда разум хочет все бросить и сдаться».

Контролировать. Это слово очень понравилось Дэниелу. Контроль над своим телом. Своим будущим. Над своим разумом.

«В начале меня спасла дисциплина тренировок», – продолжил он. «Затем появились криптоинвестиции, которые навсегда изменили мою финансовую реальность».

«Не все могут так», – пробормотал Дэниел, хотя надежда опасно теплилась в его груди. Он снова проверил свой банковский счет: 1212,47 доллара. Счет за обучение: 13 800 долларов. Расчет был такой же безжалостный, как и вчера, как и позавчера.

На экране промелькнуло уведомление. На глаза попала открытая вкладка – он и забыл о ней. Какая-то статья во время чтения поздним вечером. Заголовок сверху гласил: «Психопатология: когда стоит обратить внимание».

Он замешкался, затем медленно пролистал страницу вниз.

«Необычный распорядок дня... нарушения сна... повышенная замкнутость... религиозный или грандиозный характер речи...»

Глаза Дэниела поднялись к потолку. Сверху доносился слабый гул молитвы. В последнее время Сэм делал это все чаще – не только по вечерам, но и по ночам. Зажигал свечи в своей комнате. Переставлял мебель. Смотрел на распятие в прихожей, словно оно говорило ему в ответ.

Вернувшись к экрану, одна строчка заострила внимание: «Поначалу симптомы часто незаметны – их легко принять за стресс или эксцентричность».

Он долго смотрел на нее, потом быстро выключил телефон.

Просто любопытство, сказал он себе. Просто небольшая статья.

Томатный соус начал интенсивно бурлить. Дэниел бросился регулировать температуру и ударился локтем о стопку почты. Собирая разбросанные конверты, он наткнулся на выцветшую фотографию – улыбаясь, его бабушка стояла в саду, на шее висел фотоаппарат.

«Бабушка», – прошептал он. Внезапный спазм сжал его горло.

Воспоминание нахлынуло как волна – ее голос, мягкий, но решительный: «Сынок, учись, ты должен учиться!» Ее последние слова, обращенные с больничной койки, рука, сжимающая его руку с удивительной силой.

Глаза Дэниела наполнились слезами – на этот раз не от лука.

Если он уйдет, кто будет следить за оплатой счетов? Кто помешает маме купить еще одну треснувшую ванну для птиц вместо продуктов?

Он механически помешивал соус и в его сознании всплывало лицо бабушки.

«Я стараюсь, бабуль», – сказал он вслух и голос сорвался. «Но я не знаю, как это сделать».

Соус будет готов через двадцать минут. Достаточно времени для поисков.

Он открыл нижний кухонный ящик чтобы взять фонарик. Среди резинок и старых батареек лежала выцветшая голубая папка – старая мамина лицензия медсестры, датированная еще до рождения Сэма. Он слегка коснулся ее, а потом оставил в покое. Она никогда не говорила об этом – никогда напрямую. Но однажды, много лет назад, он слышал, как она бормотала про себя во время ссоры с работником коммунальной службы: «Я могла бы быть кем-то, если бы не встретила *его*». То, как она произносила слово «*его*», сказало все, что ему нужно было знать.

Дэниел тихо двинулся по дому, перешагивая через скрипучую половицу возле комнаты матери. В шкафу дальней комнаты, за стопками пожелтевших газет и старой одежды, стояла картонная коробка, в которую после смерти бабушки были наспех убраны семейные фотографии. Его мать была слишком расстроена – или, возможно, слишком равнодушна, – чтобы упорядочить их.

Он вытащил коробку на свет и принялся перебирать ее содержимое. Фотографии, сделанные бабушкой: пейзажи с голубым небом, дети, смеющиеся в освещенных солнцем садах. Простые моменты, запечатлённые с радушием.

«Ты везде видела красоту», – пробормотал Дэниел, рассматривая каждое изображение, как картину.

На дне коробки, завернутая в выцветший шелковый платок, лежала ее Leica M3. Он медленно поднял фотокамеру. Вес удивил его – не столько физический, сколько эмоциональный. Тяжелее, чем следовало бы ожидать.

Старинная камера была шедевром мастерства середины века. Хромированный корпус потускнел от возраста. Стекло дальнего фокуса треснуло по диагонали, расколов мир надвое. Но объектив – 50-миллиметровый Summicron – был в идеальном состоянии. Она всегда говорила: «Держи глаз чистым, даже когда все вокруг рушится». Потрескавшийся кожаный ремешок все еще хранил призрак ее прикосновений.

Дэниел сел на пол, положив камеру на колени. Это простое действие всколыхнуло воспоминание. Не просто момент. Что-то более глубокое:

Ему было шесть лет. Он стоял в ее саду.

Его руки были слишком малы, чтобы удержать камеру, поэтому ее руки поддерживали его, с заботой и любовью. От нее пахло тимьяном и ромашкой. Ярко светило солнце, и она объясняла ему что-то о кадрировании света через листья яблони. Он не понимал слов, только восхищение в ее голосе.

Она была неудержима – женщина, работавшая на полях в военное время, а затем бросившая вызов всем ожиданиям, покинула свою простую деревню, где многие не умели ни читать, ни писать. Она проделала весь путь до Сиэтла, чтобы поступить в колледж и совмещать учебу с работой на заводе.

«Ты всегда двигалась вперед, – прошептал Дэниел, проводя большим пальцем по камере. «Даже когда мир говорил тебе оставаться на месте».

Он вспомнил ее рассказы о работе с трудными подростками, ее гордость, когда она рассказывала об их достижениях. Почетные звания, которые она получила, – ветеран труда, труженик тыла – значили для нее меньше, чем изменения, которые она наблюдала в молодых отпрысках.

«Ты верила в меня, – прошептал Дэниел, и слеза упала на потертую кожу камеры. «Даже когда никто больше не верил».

Запах чего-то горелого вернул Дэниела в настоящее. Соус! Он помчался вниз, чтобы спасти ужин, – успел, хотя на дне остался подгоревший слой помидоров.

Пока он помешивал соус и пробовал приправы, чтобы скрыть горелый привкус, в его голове проносились мысли о возможных вариантах. Фотоаппарат, хоть частично и сломанный, был Leica M3 – ценный даже в нынешнем состоянии. Быстрый поиск в телефоне подтвердил это: модели в рабочем состоянии продавались за тысячи. Даже за поврежденные камеры коллекционеры и реставраторы выкладывали солидные суммы.

У него сжалось горло. Неужели он действительно сможет продать единственную историческую связь со своей бабушкой?

«Сынок, ты должен учиться!»

Ее последний наказ эхом отдавался в его памяти.

«Это всего лишь вещь», – говорил он себе, с механической точностью расставляя тарелки на столе. «Может, она поймет. Может быть, она простит меня. Но смогу ли я простить себя?»

Но даже рассуждая рационально, Дэниел чувствовал себя подавленным. Камера была не просто металлом и стеклом – она хранила ее взгляд, ее стойкость, ее вызов миру, который пытался ее ограничивать.

Дэниел проскочил наверх взять камеру, когда спагетти уже закончили вариться. Когда он заворачивал камеру в шелковый шарф, из него что-то выпало. Это оказался один рулон просроченной 35-миллиметровой пленки, все еще запечатанный. У него перехватило дыхание.

Осторожно, благоговейно он заправил пленку в катушку. Натяжение. Щелчок.

Забежав в свою комнату, он осторожно достал из ящика стола письмо о зачислении. Плотная бумага кремового цвета с университетской эмблемой показалась ему весомой – осязаемый мост в другой мир.

Он положил письмо на кровать, поднял камеру и навел на письмо. Через треснувший дальномер письмо выглядело раздвоенным, призрачным. Два будущего: одно исчезало за другим. Его пальцы замешкались, но двигались в привычном ритме, которому его научила бабушка: настроить диафрагму, выставить экспозицию, сфокусировать кадр, задержать дыхание, сделать снимок.

Затвор щелкнул.

За стеной скрипнула дверь брата. Скоро начнется семейный ужин – их ритуал притворного лицемерия и извечного отрицания. Важнее было то, что в момент фотографии, у Дэниела появилась надежда. Ощущение начала чего-то нового.

Дэниел поправлял столовые приборы – решение выкристаллизовывалось с каждой секундой. Три дня до окончания срока оплаты за обучения. Три дня, чтобы вырваться на свободу или остаться в ловушке. Наполняя стаканы водой, сердце Дэниела бешено колотилось от осознания возможности. Впервые за много лет он увидел путь вперед – узкий и неопределенный, но все же реальный.

Кухня, которая всегда была его тюрьмой, вдруг показалась ему временной преградой. Каждая сколотая тарелка, каждая потертая столешница, каждый знакомый угол – скоро станут воспоминаниями, а не реальностью.

Через три дня все изменится. Через три дня он будет либо свободен, либо все в том же болоте. Он вытер руки о полотенце и повернулся к столу.

«Ужин готов».

Тень на полу

*Разум разбивается,
как вода о камни реальности.
Каждый осколок
несет соль всего океана.*

Свет телефона в дрожащих руках Дэниела озарил его испуганное лицо, когда он спиной прижимался к чугунной ванне. Его дыхание рикошетом отражалось от кафельных стен. Голос диспетчера службы спасения 911 прозвучал отрывисто и отстраненно:

«Сэр? Вы еще здесь?»

Дэниел крепче вцепился в телефонную трубку. На мгновение он почувствовал запах мокрого асфальта и услышал голос двенадцатилетнего Сэма, грубый и смелый: «Еще раз тронешь его, и я сломаю тебе нос!» В памяти промелькнуло воспоминание: Сэм стоит между Дэниелом и тремя мальчиками постарше, кулаки подняты, по щекам размазана грязь. Хулиганы тогда разбежались. Теперь кулаки Сэма били по двери – ребра Дэниела болели там, где его когда-то защищала верность брата.

Голос Дэниела надломился. «Мой брат... он напал на меня. Пожалуйста...»

«Ты думаешь, что, спрятавшись в своей башне, ты останешься чистым?!» прорычал Сэм.

Свет замерцал, когда что-то тяжелое ударилось о стену снаружи.

«Сэр, ваш брат является источником опасности для себя или окружающих?» – спокойно спросил диспетчер.

«Я изгоню из тебя тьму, Дэнни-бой!» Голос Сэма перешел в певучее пение.

«Тебе не уйти от спасения души!»

«Да», – сказал Дэниел в трубку, теперь уже громче. «Да. Пожалуйста, поторопитесь».

* * *

Двадцатью минутами ранее...

На кухне стояла неестественная тишина, нарушаемая лишь звяканьем тарелок, которые Дэниел складывал в стопку – слишком медленно, слишком тщательно. На столе лежало письмо из университета, обведенное красным кружком. Сэм обмяк на стуле, его пальцы измельчали холодную картошку фри в жирное конфетти. Приглушенный свет выделял бисеринки пота на его висках и дрожь в руках, когда он превращал картошку в мякоть.

В кармане Дэниела горела Leica. Один снимок – просто, чтобы запомнить Сэма. Он навел камеру, отразив неестественный, покатиный склон плеч Сэма и тушку жареной картошки, крошащуюся в руках брата, как сакральный хлеб. Затвор щелкнул – звук был похож на звук ломающейся кости.

Сэм замер. На мгновение его лицо смягчилось – призрак мальчика, который делил с ним сырные чипсы и собирал роботов LEGO. Затем его пальцы судорожно сжались, размазывая по деревянной поверхности мякоть картошки.

«Ты крадешь мою душу, Дэнни?» Сэм приподнялся на краешке стула, его глаза были наполнены негодованием. Перед ним лежала открытая Библия.

У Дэниела сжалось горло. «Просто... пытаюсь сохранить момент».

Сэм ткнул жирным пальцем в сторону Leica.

«Ты знаешь, что Иуда в конце концов сделал со своими тридцатью серебряниками, Дэнни?»

Дэниел не поднял глаз. «Не начинай, Сэм».

«Ничего. Он повесился», – продолжил Сэм, игнорируя Дэниела.

Дэниел ударил по тарелке сильнее, чем намеревался. Она не разбилась, но от шума он вздрогнул.

Нога Сэма начала подергиваться под столом, пятка выстукивала нервный ритм. Пальцы начали барабанить по деревянной поверхности, с каждым ударом все резче и настойчивее, словно Сэм пытался заглушить этим звуком что-то.

«Закрой окно. Они подслушивают...» Голос Сэма понизился до опасно тихого.

Из ванной комнаты, расположенной в конце коридора, доносился звук льющейся воды. Долорес удалилась туда после нервного отрицания новостей за ужином. Как любил делать и Сэм, она всегда исчезала, когда ситуация становилась напряженной – как будто ванная была нейтральной территорией в зоне военных действий их семьи.

«Дело не в том, чтобы разбогатеть...»

«Евангелие от Матфея 6:24», – прогремел Сэм, поднимаясь со стула. Библия упала на пол, раскрыв страницы. «Никто не может служить двум господам. Либо ты будешь ненавидеть одного и любить другого, либо ты будешь предан одному и презирать другого. Нельзя служить одновременно Богу и деньгам».

«Я не верю в эти вещи, Сэм. Я не верю ни в твоего Бога, ни в твоего Дьявола, ни во все остальное».

Внутри Сэма что-то щелкнуло. Его лицо искажилось, перейдя от неприязни к ярости. Его глаза – обычно теплые, карие, – потемнели. Зрачки неестественно расширились.

«У тебя нет ничего святого», – прошептал Сэм, его голос стал неожиданно чужим. «Материалистический труп без души. У тебя нет души! Я вижу в тебе тьму».

«Сэм, мне нужно, чтобы ты дышал. вспомни, что говорил доктор...»

«ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?» прорычал Сэм, повалив стул на пол. «ТЫ ДУМАЕШЬ, Я НЕ СЛЫШУ ТВОЕГО ШЕПОТА?»

Дэниел поднял руки в успокаивающем, как он надеялся, жесте. «Никто не шепчет, Сэм. Ты пугаешь меня, брат. Давай вызовем врача, хорошо?»

«Ты хочешь бросить нас, – сказал Сэм, – как папа бросил меня».

«Папа умер», – огрызнулся Дэниел.

Стул Сэма с грохотом откинулся назад.

«ЛЖЕЦ!»

Глаза Сэма расширились, и Дэниел тут же пожалел о своих словах. Никогда не рассказывай Сэму об их отце. Это было негласное правило, которое он только что нарушил.

«Я не такой, как он», – сказал Сэм, его голос был напряжен от ярости. «Я бы никогда не ушел. Я НИКОГДА НЕ УЙДУ».

Сердце Дэниела заколотилось в груди. Он должен был достучаться до брата, все еще похороненного внутри.

«Ты прав, Сэм. Ты бы не ушел. Мне жаль».

Но было уже слишком поздно. Дыхание Сэма стало неровным, грудь вздымалась. Он поднял с пола Библию, прижимая ее к груди, как броню.

Дэниел посмотрел в сторону холла. Вода все еще текла.

«Сэм, пожалуйста. Давай поговорим об этом завтра. Ты устал, я устал...»

«ПЕРЕСТАНЬ ОПЕКАТЬ МЕНЯ!» прорычал Сэм, хлопнув кулаком по столу. Стакан с водой опрокинулся, расплескивая воду по полу. «Я не ребенок!»

«Тогда перестань вести себя как ребенок!» Дэниел огрызнулся в ответ, прежде чем успел остановить себя.

Снаружи шоссе застонало – сначала тихо, как спящий зверь. По мере того, как голос Сэма нарастал, нарастал и гул, пока в один момент не возникло ощущение, что весь дом находится под водой.

«Ты думаешь, что ты лучше нас, Дэнни? Ты думаешь, что можешь просто уйти?»

Дэниел тяжело сглотнул, понимая, что ему нужно тщательно подбирать слова, но было уже слишком поздно.

«Я СЛЫШАЛ, ЧТО ТЫ СКАЗАЛ!» прорычал Сэм, внезапно снова оживившись. Сэм шагнул вперед, сгорбив плечи и опустив голову. Дэниела охватила тревога.

«Сэм, не надо...»

Но Сэм уже двигался, пересекая кухню с удивительной для его размеров скоростью. Сэм поймал Дэниела за плечо и ударил спиной о холодильник. Магниты и фотографии посыпались на пол. Дыхание Дэниела с болью сбилось.

«Я не позволю тебе покинуть нас, – прорычал Сэм, его лицо было в нескольких дюймах от лица Дэниела. От его дыхания пахло ужином и чем-то лекарственным – *новыми таблетками?*

Дэниел оттолкнулся, пытаясь освободить пространство. «Сэм, остановись! Это не ты!»

Сэм отступил назад чтобы набрать силу. С ревом он опустил голову и бросился на Дэниела, ударив его в грудь. Боль пронзила ребра Дэниела, и его отбросило к шкафам.

«Мама!» в отчаянии воскликнул Дэниел. «Мама, помоги!»

Сэм снова набросился на него, на этот раз Дэниелу удалось увернуться. Воспользовавшись замешательством, Дэниел бросился в коридор.

«ТЫ НЕ МОЖЕШЬ УБЕЖАТЬ ОТ БОЖЬЕГО СУДА!» кричал Сэм позади.

Дэниел помчался по коридору в сторону ванной.

«Мама! Впусти меня! Сэм в беде!»

Вода резко отключилась. «Дэниел? Что происходит?»

Дэниел повернулся и прижался спиной к двери как раз в тот момент, когда Сэм завернул за угол.

«Мама!» крикнул Дэниел, колотя в дверь. «Пожалуйста!»

Дверь внезапно распахнулась, и Дэниел спиной вперед ввалился в ванную. Долорес стояла там в халате, волосы завернуты в полотенце, глаза расширены от тревоги.

«Что ты с ним сделал?»

Прежде чем Дэниел успел ответить, в дверном проеме появился Сэм, его массивная фигура загораживала свет из коридора.

«Он уходит от нас, мама», – сказал Сэм, его голос вдруг стал детским. «Бросает нас. Как папа».

Долорес вздохнула и на мгновение замолчала. «Дэниел, это правда?»

Дэниел отступил еще дальше в ванную. «Меня зачислили. Я сказал тебе за ужином, ты не помнишь?»

«С бабушкиной камерой», – Сэм промолвил с нотками обвинения. «Он продает ее благословение за бумагу и цифры».

«Это моя камера!» сказал Дэниел, чувствуя себя загнанным в угол. «Она оставила ее мне».

«На память о ней», – поправила Долорес, ее голос стал жестче. «А не для того, чтобы продать во имя твоего плана побега».

Знакомое чувство сдавило грудь Дэниела. Годами он сносил их обоих, его плечи ссутулились под тяжестью коммунальных извещений и страховых платежей, его пальцы были вечно испачканы чернилами от пересчета бюджетов. Он стал хранителем ошибок Сэма, классифицируя их, узнавая, какие из них сигнализируют об опасности, а какие являются обычным искажением реальности. Тем временем, его собственные устремления превратились в реликвии – окаменевшие мечты, втиснутые между страницами брошюр колледжей.

Что-то изменилось в выражении лица Сэма – в его глазах зажегся темный огонь, и Дэниел почувствовал животный страх.

«Они говорят мне», – прошептал Сэм, прижав руки к ушам. «Они говорят мне, кто ты есть на самом деле». Сэм пронесся мимо Долорес и схватил Дэниела. Тот вырвался, но в тесном пространстве бежать было некуда.

«Сэмюэль Джозеф Мерсер!» закричала Долорес, встав между ними.

Сэм с пугающей легкостью отпихнул ее в коридор. «Не подходи, мама! Он больше не Дэниел!»

Улучив момент, Дэниел рефлекторно ударил коленом в живот Сэма и толкнул его за плечи. Сэм хрюкнул и отпрянул назад.

«Дэниел!» закричала Долорес позади него. «Не трогай своего брата!»

Дэниел успел захлопнуть дверь и стал возиться с замком. Кулак Сэма ударил по двери.

Через несколько минут под дверью показалась тонкая струйка воды – сначала прозрачная, потом с каким-то темным оттенком.

Кровь? Урина?

Нет. Святая вода. Сэм разбрызгивал ее по дому весь вечер. Дэниел отпрянул от ползущего пятна и дрожащими руками нащупал в кармане телефон.

«Помощь уже в пути, сэр», – говорил диспетчер службы 911. «Вы находитесь в безопасном месте?»

«Я заперт в ванной», – ответил Дэниел и поморщился, когда Сэм ударил плечом. «Но я не знаю, как долго продержится дверь».

Дэниел прижался спиной к ванне, подтянув колени к груди. Гул нарастал.

«Сэр, у вашего брата есть оружие?» – спросил диспетчер.

Дэниел закрыл глаза, пытаясь вспомнить, видел ли он что-нибудь в руках Сэма. «Не думаю. Но он... он очень сильный».

Под дверью плеснули еще святой воды.

«Очищение пути», – пробормотал Сэм, его голос теперь звучал ближе к полу. Дэниел представил, как тот стоит на коленях, совершая один из своих импровизированных ритуалов. «Очищаю путь для твоего *возвращения*».

Через дверь Дэниел слышал шарканье тапочек – Долорес задержалась в коридоре, ее дыхание было неглубоким. Она ничего не делала, только смотрела. Дэниел хотел закричать: *Сделай что-нибудь! Останови это! Скажи хоть что-нибудь!* Но все, что он услышал, – это тихий вздох, как будто она уже видела эту пьесу и знала, чем все это закончится. Затем она слабо произнесла: «Остановитесь... пожалуйста...»

«Сэр, я слышу шум. Кто-нибудь еще в опасности?» – спросил диспетчер.

«Моя мать», – сказал Дэниел с паникой в голосе. Сэм никогда раньше не причинял Долорес вреда, но и *так* далеко не заходил. «Она там с ним».

«Офицеры в трех минутах езды», – заверил его диспетчер. «Парамедики также отправлены по адресу».

Три минуты. Дэниел уставился на дверь, наблюдая, как она сотрясается, когда Сэм возобновляет нападение.

«ДУМАЕШЬ, Я НЕ ЗНАЮ О ТВОИХ ПЛАНАХ?» Сэм прорычал через трещину в двери. «ДУМАЕШЬ СМОЖЕШЬ БРОСИТЬ ВСЕ И УЙТИ?»

Дэниел закрыл глаза, стараясь сосредоточиться на дыхании.

«Я не бросаю тебя, Сэм», – отозвался Дэниел, стараясь говорить спокойнее, чем чувствовал. «Я просто иду учиться».

«ЛЖЕЦ!» Раздался громкий треск, когда кулак Сэма пробил пустоту в двери. Сквозь дыру показались налитые кровью костяшки пальцев. «ТЫ УБЕГАЕШЬ! ПРЯМО КАК ОТЕЦ!»

Сквозь щель Дэниел разглядел лицо Сэма: пунцовый румянец, дикие глаза, тонкая полоска слюны, стекающая с уголка рта. На секунду их взгляды встретились. В этот миг Дэниел

увидел, как что-то промелькнуло в выражении лица его брата – не просто ярость, а глубокая обида. Предательство.

«Почему ты не хочешь выслушать меня СЕЙЧАС?» Сэм заплакал. «Ты собираешься все разрушить! ПОЧЕМУ ТЫ ИГНОРИРУЕШЬ МЕНЯ?!»

От боли, прозвучавшей в голосе Сэма, у Дэниела сжалось сердце.

На мгновение Сэм замолчал.

«Почему ты бросаешь меня?» спросил Сэм через дыру, его голос стал совсем маленьким и детским. «Кто мне поможет?»

Дэниел закрыл глаза, чувствуя, как на него давит груз вины и ответственности. «Мама будет здесь. И твой врач. И у тебя есть группа поддержки в церкви».

«Это не одно и то же», – сказал Сэм, фыркнув. «Ты мой *брат*».

Вдалеке завывали сирены, разорвав напряженную тишину, прежде чем Дэниел успел ответить. Сквозь дыру в двери глаза Сэма заметно расширились.

«Ты позвонил им?» Голос Сэма дрожал от предательства. «Ты вызвал полицию?»

«Сэм, я должен был...»

«ИУДА!» прорычал Сэм, с ужасающей силой атакуя дверь. Рама начала трещать по швам. «ТРИДЦАТЬ... МОНЕТ... СЕРЕБРА... И ПОЦЕЛУЙ... В ЩЕКУ!»

Снаружи раздался встревоженный голос Долорес. «Сэмюэль, остановись! Полиция идет!»

Звук открывающейся входной двери и тяжелые шаги наполнили дом. Авторитетные голоса закричали: «Полиция! Всем оставаться на своих местах!»

Сэм резко прекратил атаку на дверь.

В коридоре поднялась суматоха: голос Сэма повышался в знак протеста, Долорес умоляла офицеров не делать больно ее сыну.

Дэниел поднялся на ноги и отпер дверь. Снаружи двое офицеров держали Сэма на полу со связанными за спиной руками. По его покрасневшему лицу текли слезы.

«Предатель». Шепот Сэма был громче, чем крики. «Мой родной *брат*».

Парамедики взялись за дело. Один из них опустился на колени рядом с Дэниелом. «Нам нужно отвезти вашего брата в больницу для обследования. Похоже, у него тяжелый психотический приступ».

«Да», – сказал Дэниел, не в силах смотреть на Сэма.

«Он когда-нибудь проявлял такую агрессию?»

Дэниел покачал головой. «Никогда».

Его мать стояла в коридоре, на ее лице была маска страдания и изнеможения.

«Его заберут?» – спросила она уставшим голосом.

Дэниел кивнул, не в силах встретиться с ней взглядом. «Ему нужна помощь, мама. Профессиональная помощь».

Она отвернулась и ушла, сжимая халат как щит.

Парамедик протянул ему планшет с бланками на подпись. «Нам нужно согласие ближайших родственников. Ваша мать, похоже, слишком расстроена».

Дэниел уставился на бумаги. Из гостиной было слышно, как Долорес всхлипывает, рассказывая одному из офицеров, каким хорошим мальчиком обычно был Сэм и как ему просто нужно было подкорректировать лекарства.

Сэм смотрел на Дэниела, уже сидя на полу, парамедики проверяли его жизненные показатели. Дикая ярость отступила, оставив после себя знакомые, растерянно-детские глаза брата.

«Не отсылай меня, Дэнни, – мягко попросил он. «Я буду *хорошим*. Я обещаю».

Рука Дэниела дрожала, когда он подписывал бумаги. «Это всего на несколько дней, Сэм. Пока тебе не станет лучше».

Долорес снова появилась в коридоре, сжимая в руках распятие, шепча молитвы под нос и пытаясь надеть крест на связанного Сэма.

«Позвольте мне надеть на него крест – не забирайте его без креста!»

Когда санитары вели Сэма вниз по лестнице, он остановился и с неожиданной ясностью оглянулся на Дэниела.

«Я вижу их, Дэнни», – сказал он, его голос был до жути спокоен. «Ангелы. Они наблюдают за тобой. Они *знают*, что ты задумал».

Санитары повели Сэма к входной двери. На пороге он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на брата.

«Ты ведь все еще будешь здесь, когда я вернусь, правда?» – спросил он тоненьким испуганным голосом. «Ты не уйдешь, пока меня не будет?»

Дэниел не мог вымолвить ни слова. Он смотрел в сторону, на пол.

Когда он снова поднял глаза, Сэма уже не было, а Долорес удалилась в свою спальню, оставив Дэниела одного во внезапно затихшем доме.

Дэниел стоял в ванной комнате, в воздухе витал запах святой воды и застоявшейся крови. Он уставился в треснувшее зеркало, его лицо было расколото посередине – синяки, побои, изнеможение. Брат. Предатель. Он не был уверен, какое отражение истинно. Камера – билет на свободу. Его спасение. Его предательство.

Снаружи отъезжала машина скорой помощи, ее огни беззвучно мигали на фоне затемненных окон единственного дома, который он не мог назвать своим.

Призраки, за которыми мы следуем

*Двери закрываются окончательно,
смена времен года.
И мы идем к завтрашнему дню,
с ключами вчерашнего дня в кармане.*

В зеркале виднелось лицо Сэма, но это были не его глаза – это были глаза Дэниела. Ванная комната была одновременно знакомой и странной – стены, казалось, дышали, расширяясь и сжимаясь. Дэниел наблюдал за тем, как дрожат его руки, сжимающие Библию. Разорванные страницы рассыпались по полу, словно мертвые листья.

«Мы *одинаковые*», – шептало отражение, прижимая опухшие ладони к стеклу с такой силой, что оно начало разлетаться на осколки. «В нас течет одна и та же кровь».

Дэниел попытался отступить, но ванная комната уменьшилась, стены стали давить на него. Святая вода просочилась под дверь и быстро начала подниматься к его лодыжкам. Все быстрее и быстрее, до колен и талии. Дэниел бил по двери, но каждый удар вызывал лишь мягкий стук плоти о дерево. Его кулаки стали похожи на кулаки Сэма – большие, бледные, с обкусанными ногтями и обшарпанными костяшками. Вода дошла до груди и шеи. Он задыхался, глотая воду.

«Мама...» – Дэниел пытался кричать, но его голос превратился в рваное мычание Сэма. «Мама, помоги!» закричал он в последний момент. «Мама... Мне очень жаль...»

* * *

Дэниел резко проснулся. Его футболка была мокрой от пота, простыни скручены вокруг ног как оковы. Он моргал в предрассветном свете, проникавшем сквозь жалюзи и отбрасывавшем тени тюремной решетки на его кровать. Сердце колотилось в груди, пытаясь вырваться на свободу.

В доме было неестественно тихо. За двадцать четыре года, здесь никогда не было так пустынно спокойно – даже ночью всегда были какие-то звуки: телевизор матери, шаги Сэма, скрип старых половиц. Теперь тишина давила на барабанные перепонки.

Дэниел перекинул ноги через край кровати и уперся пальцами в холодный пол. Он прижал руки к груди, чувствуя, как постепенно замедляется сердцебиение. Его собственное тело, все еще его собственное. Его собственный разум все еще его. Но надолго ли?

За окном небо было серого цвета, но, прямо над треснувшим грязным стеклом пробивался золотистый луч света, задерживаясь на плавающих мотыльках пыли. Дэниел наблюдал, как свет играет на отслаивающихся обоях, превращая обыденное действие в нечто почти сакральное. На мгновение мир стал почти невесомым, сквозь руины пробилось обещание нового дня. Он позволил себе поверить, хотя бы на мгновение, что за этими стенами его ждет что-то хорошее.

Все вокруг словно замерло в ожидании. Бабушкин фотоаппарат Leica лежал на столе в потертом кожаном футляре. Последняя ценная вещь, которой они владели, – его билет на свободу. Он провел пальцами по металлическому корпусу, прохладному и твердому, единственному реальному предмету в этом доме призраков.

Доски пола скрипели под его ногами, когда он шел в ванную. Он избегал смотреться в зеркало, брызгая на лицо холодной водой – боялся, что глаза Сэма все еще ждут его там. Вода стекала с его подбородка, когда он наконец заставил себя поднять глаза. Его собственное лицо – исхудавшее, с темными кругами под глазами, но, несомненно, его – смотрело из отражения. Он испытал облегчение.

Дэниел вернулся в комнату, натянул джинсы и чистую футболку, аккуратно спрятал камеру в рюкзак и вышел в коридор. Долорес стояла на кухне – маленькая фигурка в выцветшем халате казалась почти прозрачной после вчерашнего инцидента, волосы растрепаны, руки неуверенно дрожали. Она налила кофе в белую, безымянную кружку, пододвинула ее к нему через стойку.

«Ты спал?» – спросила она, не глядя в глаза.

«Немного». Дэниел обхватил кружку руками.

«Я звонила в больницу сегодня утром. Они сказали, что его состояние стабилизировалось». Она говорила клиническим тоном, как будто обсуждала незнакомца. «Они хотят оставить его для наблюдения на семьдесят два часа, не меньше».

Дэниел кивнул и отпил горький кофе. Они стояли в тишине некоторое время. Отчетливо был слышан звук кухонных часов. Наконец Долорес подняла глаза, которые выражали лютую неприязнь.

«Ты действительно собираешься уйти?»

Врать не имело смысла. «Да».

«Из-за того, что случилось?»

«Из-за всего».

Ее лицо сморщилось, а затем стало каменным. «Так вот оно как, да? Ты просто... что же? Убегаешь от семьи? Сейчас, когда настали трудные времена?»

«Мама...»

«Нет.» Она хлопнула ладонью по столешнице, кофе расплескался по столу. «Ты думаешь, что ты лучше, чем мы? Просто потому что кто-то прислал тебе письмо? Думаешь, тебя ждет какой-то там волшебный мир за окном?» Слова лились из ее уст набирая обороты язвительности. «Вот увидишь. Миру нет дела до таких, как мы. Мы для них невидимки. Здесь, в этом доме, по крайней мере, ты существуешь. По крайней мере, ты...»

«Кто я?», слова вырвались сами собой, прежде чем он успел опомниться. «Тот, кто убирает рвоту? Тот, кто оплачивает счета, о которых ты забыла? Тот, кто звонит 911, когда брат пытается пробить дверь в ванной?»

Долорес вздрогнула, как от пощечины. «Он болен», – прошептала она. «Он ничего не может с этим поделаться».

«Я тоже не могу. Я ждал, мама. Я *так долго ждал*, что все наладится, но так и не дождался». Дэниел аккуратно поставил свою кружку.

Ее поза смягчилась. Она подошла к нему и положила руку на его ладонь – редкое прикосновение. «Дэнни, пожалуйста. Мы сможем разобраться с этим вместе. Мы всегда это делали раньше».

На мгновение Дэниел вздрогнул. Сон промелькнул перед его глазами – лицо Сэма в зеркале. Поднимающаяся вода. Он осторожно убрал ее руку.

«Я должен идти».

Ее лицо мгновенно изменилось – лъстивая нежность превратилась в ледяную отстраненность. «Хорошо. Иди. Только оставь эту чертову камеру. Мы ее продадим. Это единственное, что ты все еще можешь сделать для своей семьи».

Она подошла ближе, голос понизился до дрожащего шепота. «Как же ты можешь так легко уйти, после всего того, что я для тебя сделала... Какой же ты сын после этого?» Ее слова повисли в воздухе, тяжелые, как градины льда. Дэниел почувствовал, как они осели на его плечах, тяжелее, чем рюкзак с камерой.

«Это был бабушкин подарок...»

«Твоей бабушке было бы стыдно за тебя», – прошипела Долорес. «Бросаешь семью, когда она больше всего в тебе нуждается».

Он не ответил. Ему нечего было сказать в ответ. Вместо этого он развернулся и направился в свою комнату чтобы закончить собирать вещи.

Дэниел двигался по дому, словно под водой. Каждая комната представляла собой музей из моментов истории – экспонатов той жизни, которую он собирался оставить позади.

В гостиной кресло отца стояло пустым. Дэниел приостановился и провел пальцами по подлокотнику. У него остались лишь самые смутные воспоминания об отце – высокая фигура, запах лосьона после бритья, крики на маму, из-за которых он прятался под кроватью. Чувствовал ли он то же самое когда-то? Эту ужасную смесь горя и облегчения когда уходил? Его не было уже семнадцать лет, но кресло осталось недвижимым – трон для призрака, который казалось никогда и не уходил.

Взглянув через окно, в саду разбитых вещей его матери, горел утренний рассвет – частички керамики, расколотые статуэтки, осколки вазы, которую она вчера разбила. Дэниел мысленно коснулся одного из осколков. Добавит ли Долорес его в эту коллекцию, когда он уйдет?

В коридоре он остановился у двери Сэма. Она была слегка приоткрыта – необычно для комнаты, которую Сэм так ревностно охранял. Дэниел замешкался, затем толкнул дверь. Сначала его встретил запах нестираной одежды, а после, тошнотворно сладкий запах энергетических напитков, которые Сэм употреблял по случаю. Стены были полностью завешаны иконами – святые и спасители, смотрящие со всех сторон. Под ними были приклеены библейские выкладки – одни написаны судорожным почерком Сэма, другие распечатаны из Интернета. «БОГ ВИДИТ ВСЕ. ГОСПОДЬ ИСПЫТЫВАЕТ ПРАВЕДНИКОВ. ОКРОПИ МЕНЯ ИССОПОМ, И БУДУ ЧИСТ; ОМОЙ МЕНЯ, И БУДУ БЕЛЕЕ СНЕГА».

На полу лежала надорванная тетрадь поэзии Сэма, страницы разбросаны, как опавшие листья в кошмарном сне. Дэниел опустился на колени и поднял страницу. На ней было начертано – иногда аккуратно, иногда размашисто:

*Брат, который ходит с закрытыми глазами
Видит только землю под ногами.
Ни неба, ни цветущего дерева.*

*Ни ребенка, который тянется к его руке.
Брат, который считает только серебро,
Слышит только звон монет.
Ни птицы, ни журчание воды.
Ни голос, который зовет его по имени.*

Рядом с кроватью, между стопкой набожных книг и миской с недоеденными хлопьями, Дэниел заметил небольшой terracottовый горшок. Внутри него хрупкий зеленый росток робко тянулся к полузакрытому окну. Рядом торчала самодельная бирка, сделанная из картона. На ней детским почерком Сэма было написано:

«Для Дэнни – чтобы ты помнил, что есть настоящее».

Дэниел осторожно прикоснулся к одному листу. Он затрепетал, нелепо живой в удушливой комнате. Земля, согретая солнцем, слабо пахла базиликом. Это вернуло его в сад их бабушки – запах свежескошенной травы под ногами, смех Сэма, теплое солнце.

Он простоял так гораздо дольше, чем собирался. Росток – хрупкий подарок от того, кто был слишком надломлен, чтобы произнести эти слова вслух. Он присел на край кровати, вспоминая брата до того, как видения взяли над ним верх: Сэм играл с ним в видеоигры, Сэм защищал его от хулиганов, Сэм читал ему сказки, когда их мать работала в позднюю смену.

В груди Дэниела сердце сжалось.

Появилась мысль – а что, если я останусь? Хотя бы на время. Пока Сэму не станет лучше.

«Мы одинаковые, Дэниел». Прозвучал голос в его голове.

Чем дольше он смотрел на саженец, тем труднее ему было двигаться дальше.

Вернувшись в свою комнату, Дэниел собрал вещи – одежду, несколько книг, ноутбук. Все самое необходимое для того, чтобы начать все сначала. Перекинув рюкзак через плечо, он в последний раз окинул взглядом комнату в которой спал с детства. Он поднял фотоаппарат, вглядываясь в видоискатель: его старый стол, за которым он столько лет мечтал сбежать, выцветшие постеры, спутанные простыни. Щелчок затвора прозвучал невероятно громко в утренней тишине.

На кухне Долорес стояла у раковины с напряженной спиной. Она не повернулась, когда он вошел.

«Я ухожу», – мягко сказал Дэниел.

«Ну уходи». Ее голос был ровным, без эмоций.

«Я позвоню, когда устроюсь. Проверить, как там Сэм».

«Не беспокойся». Она повернулась, глаза покраснели, но были сухими. «Ты сделал свой выбор. Живи теперь с этим».

Дэниел замер, подыскивая слова, которые могли бы перекинуть мост через эту пропасть. Но ничего не находилось.

На мгновение что-то смягчилось в ее лице – мелькнуло воспоминание о матери, которой она могла бы быть в другой жизни, без горя, истерии и нищеты. Затем это мгновение прошло, и ее рот сжался в тонкую линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.